

ГЛАВА IV. Практические формы отношений между руководителем и партийными массами

Высший слой руководства политически организованного международного рабочего движения состоит из членов парламента. Бебель, Жорес, Гед, Адлер, Вандервельде, Трульстра, Ферри, Турати, Кейр Харди, МакДональд, Пабло Иглесиас – все они депутаты соответствующих парламентов. Исключение составляет Гайндман, и то лишь потому, что до сих пор ему не удавалось одержать победу на выборах. Его партия не была представлена в английском парламенте.

Тот факт, что члены парламента руководят современными социал-демократическими партиями, говорит об их парламентаристском характере. Партии помещают своих самых выдающихся представителей на самые выдающиеся должности, где их работа в соответствии с их способностями будет наиболее продуктивна. Вдобавок власть социалистов-парламентеров становится еще крепче благодаря двум факторам. Прежде всего вследствие того, что члены партии, выдвинутые в парламента, относительно независимы от партийных масс и партийного руководства. Они занимают свой пост в течение продолжительного времени, и никто не может ограничить срок их полномочий, к тому же благодаря выборам их положение напрямую зависит от мнения избирателей, а не от партии, и своим статусом они обязаны неорганизованной массе. В некоторых странах масштабы целей и границ зависят от уровня авторитета и соответствия между партийной организацией власти и степенью самостоятельности партийных делегатов. Авторитет и власть членов парламента находятся вне любых вопросов и вне опасности, поскольку они занимают самые почетные, руководящие должности в партии (как, например, в Германии). И наоборот, там, где устав запрещает совмещать обязанности, как, например, в Италии, где только один депутат, представляющий парламентскую фракцию, имеет право занимать пост в партийном руководстве, между представителями двух руководящих групп могут возникнуть серьезные конфликты, которые пагубно влияют на авторитет обоих. Однако в силу описанных выше причин превосходство все равно оказывается на стороне парламентской фракции.

Особенно высокий уровень парламентаризма свойствен немецкой социал-демократии. Он четко прослеживается в общих установках партии по отношению к деятельности

представителей партии в рейхстаге. Ни в одной социал-демократической партии мира работа партийных коллег в парламенте не вызывает меньше осуждения, чем в немецкой. В рейхстаге представители партии произносят десятки речей, которые могли бы стать поводом для обратных обвинений, но тем не менее ни в прессе, ни на конгрессах эти вопросы не поднимаются, не обсуждаются и уж тем более не используются для критики. Во время дебатов по поводу забастовки шахтеров Рурской области депутат Ю. назвал принципы социалистов утопическими, однако в прессе не было и намека на осуждение. Во время голосования по поводу первых ссуд на войну с гереро (1,5 миллиона) социалисты впервые, с тех пор как получили место в рейхстаге, согласились на военные расходы, против которых они прежде принципиально выступали. Это вынужденное нововведение, которое в любой другой партии вызвало бы бурное одобрение, с одной стороны, и неизбежную волну негодования – с другой, здесь вызвало лишь неуверенное ворчание. Когда пришло время принятия решения, на бременском конгрессе 1904 года, неодобрение высказали лишь немногие. Впрочем, все очевиднее становится соотношение мнения партийных парламентариев с ростом влияния партии в стране. Прежде решение вопросов не первой важности, например субвенция на пароходное сообщение (1885), принималось в ходе ожесточенной борьбы с парламентариями. Теперь партийные массы так привыкли к мысли, что решающие сражения в парламенте ведутся ради их же блага, что стараются по возможности не чинить препятствий представляющим их интересы стратегам. Это убеждение определяет отношение масс к своим представителям в парламенте. Поведение партийных представителей в рейхстаге – решающий момент, *suprema lex* в принятии большей части решений. Массы избегают любой ожесточенной критики в адрес их решений, даже в тех случаях, когда эта критика имела бы смысл. Даже если она и возникает, то сразу подвергается строгому осуждению со стороны партийного руководства и отклоняется. Газета *Leipziger Volkszeitung* в передовой статье о «спекуляции хлебом» высказалась резко против буржуазных партий. Эта статья, зачитанная вслух самим князем Бюловым, вызвала волну негодования со стороны представителей правых и центристских партий в адрес социал-демократической фракции. Бебель, который до этого слыл сторонником указанной газеты, без малейшего сомнения в присутствии парламента объявил опубликованную статью приемом, который противоречит как демократическим традициям, так и традициям всеобщей партийной солидарности[202]. В ходе бременского конгресса 1904 года Георг фон Фольмар во всеуслышание отказался от антимилитаристских принципов, которые должны быть основополагающими для социал-демократических партий. Это заявление, однако, было поддержано подавляющим большинством делегатов и не встретило никакого сопротивления со стороны меньшинства. При этом Фольмар отметил, что в случае регулярной антимилитаристской агитации военные министры теперь смогут без особых затруднений ссылаться на своеобразие социал-демократии и ее устремлений, когда будут рассматривать жалобы, поданные императорскими или региональными (баварским) парламентами, на то, что с социал-демократами в армии обращаются иначе, чем с другими военнообязанными. В то же время партийное руководство утверждало, что солдат-социалист исполняет свои воинские обязанности так же хорошо, как любой другой, и потому не требует особого обращения[203].

Также широко известны усилия социалистов-парламентариев на ежегодных конгрессах партии, направленные на то, чтобы добиться права голоса. Этой цели они достигли уже в 1890 году, согласившись на незначительное ограничение: в ходе принятия решений в

рейхстаге их деятельность ограничивалась лишь вынесением предложений, это правило было пересмотрено на съезде партии в Иене в 1905 году для партийных чиновников не представляет сложности заполучить мандат. Однажды Ауэр высказал мнение, что депутат должен быть последним неудачником, чтобы не суметь выхлопотать для себя мандат[204]. Но, несмотря ни на что, они избавлены от этих хлопот. Они принимают активное участие в самых закрытых партийных заседаниях не в качестве делегатов, избранных своей партией, а в качестве представителей целой электоральной группы с довольно продолжительным сроком полномочий. Это легитимизирует их статус руководителей, не зависящих от мнения «партийных товарищей», на протяжении всего срока действия их мандата в рейхстаге. Такое положение дел типично для Германии. В большинстве других стран депутаты рейхстага, одновременно выполняющие функции членов партии, подчиняются правилам, установленным для всех членов партии[205].

В силу своих высоких компетенций парламентарии-социалисты считают себя стоящими даже выше власти конгресса, высшей партийной инстанции, и требуют права на принятие индивидуальных решений. Так, например, многие члены социал-демократической фракции Германии в 1903 году хотели самостоятельно внутри своей группы и в обход мнения партийного совета принять решение о назначении вице-президента рейхстага[206]. Продолжая естественную тенденцию, фракция парламентариев постоянно сужает круг вопросов, которые должны быть решены внутри партийных кругов, постепенно она начинает единолично определять судьбу целой партии. В Италии как социалистическим, так и республиканским парламентским фракциям удалось полностью отделиться от партии в целом. В социалистической фракции итальянского парламента назначение получают депутаты, даже не состоящие в партии, объясняя это тем, что избиратели неохотно голосуют за тех, кто официально связан с партийной системой или является ее представителем.

Как социалистическое, так и буржуазное парламентское руководство обладает правами и полномочиями закрытой организации, в том числе по отношению ко всей остальной партии[207]. Немецкая социал-демократическая фракция в рейхстаге многократно дезавуировала важнейшие принципы своей партии. Самые известные случаи: уже упоминавшийся в другом контексте конфликт вокруг статьи о хлебных спекуляциях в *Leipziger Volkszeitung* (1904)[208], а также антимилитаристская агитация Карла Либкнехта (1907). В первом случае *Leipziger Volkszeitung* удалось без труда справиться с неодобрением со стороны всего «57 членов партии» – по аналогии с типичным для демократа высказыванием аббата Сийеса накануне французской революции: права короля соотносятся с правами его подданных в пропорции 1: 30000000. Если же теоретически своим высказыванием о демократических принципах партии газета попала в самую точку, сопротивление на практике было бесполезно, ведь ее слабой принципиальности противостояло традиционное право сильного, которым наделено партийное руководство.

Так же как региональные отделения партии прислушиваются к своим депутатам, большинство депутатов парламента прислушиваются к мнению именитых руководителей[209]. В немецкой социал-демократической партии на партийном съезде в Иене в 1905 году было объявлено о всеобщей забастовке, от которой отказались как от весьма глупой затеи еще на бременском съезде в 1904 году. Забастовка с ликованием была

объявлена официальным партийным оружием, а на следующем партийном съезде в Манхайме в 1906 году снова была отложена в долгий ящик утопистских идей. На каждом из этапов извилистого пути это решение сопровождалось бездумной и восторженной поддержкой партийных масс и вынужденным воодушевлением. Состав генерального штаба французских марксистов во главе с Гедом настолько проникнут духом авторитаризма, что на партийных съездах они не избирают состав партийного руководства (Comite National), а определяют en bloc, в зависимости от аплодисментов. Им невдомек, что рядовым членам партии может прийти в голову отказаться от подчинения своим доверенным лицам. Прессе также запрещено присутствовать на заседании конгресса[210]. Протоколы публикуются в сокращенной форме, чтобы никто не вздумал контролировать выступления ораторов. На немецких партийных съездах – и в протоколах заседаний – высшие и низшие депутатские слои четко разделены. Существующие отчеты о выступлениях «обычных» ораторов, как правило, бедны и неполны [211]. В то же время болтовня «маститых львов» партии запротоколирована во всех подробностях, вплоть до покашливаний и плевков. По таким же точно двойным стандартам оценивает депутатов и пресса. Когда Vorwärts, редактором которой был Эйснер, в 1904 году отказалась принять к публикации выступление Бебеля, она использовала все доступные средства, жаловалась на ограничение свободы мнений и ссыалась на «базовые права» любого члена партии. Кроме того, нельзя не отметить, как поэтапно уменьшаются шансы члена партии добиться публикации своего выступления в органах партийной прессы в зависимости от его позиции в партийной иерархии. Уже само волнение, которое вызвал в партийных рядах отказ в публикации доклада Бебеля, доказал уникальность этого случая.

Еще более очевидным образом авторитарный характер власти и ее склонность к олигархическим моделям управления проявляются не в делах партии, а в вопросах профсоюзных движений[212].

История развития профсоюзного движения демонстрирует, как централизованная бюрократия отрывает в действительности демократическое рабочее движение от реальной демократии. В делах профсоюзов чаще, чем в политических рабочих движениях, встречаются случаи, когда депутаты делают то, на что большинство представляемых ими масс не дают своего согласия. В случае с известными решениями кельнского профсоюзного конгресса 1905 года, запретившими проведение майских демонстраций и любое упоминание о всеобщей забастовке, некоторые до сих пор оспаривают этот факт, однозначно подтвержденный многими специалистами[213].

На протяжении многих лет центральные комитеты профсоюзных организаций требуют от своих членов предоставления им единоличного права на принятие решений в вопросах борьбы за сохранение оплаты труда, до тех пор пока она зависит от организаций по найму рабочих, а также единоличного права на окончательное решение об объявлении забастовок[214]. Так как руководители союзов распоряжаются и их материальным имуществом, суть проблемы сводится к тому, кто принимает решение, имеет ли забастовка «право на финансовую поддержку»[215]. Здесь перед нами стоит вопрос, заключающий в себе суть демократического самоуправления и самоопределения членов профсоюзных организаций. Если лидеры намерены решить этот вопрос самостоятельно – что они почти и сделали, – это значит только то, что элементарнейшие принципы демократии не

принимаются ими во внимание, они провозглашают власть олигархии, в то время как массам, потратившим свои средства на олигархическую власть, остается только смириться [216]. Это стремление руководства, возможно, оправдано в том, что касается компетентности и тактики. Но речь не об этом. Нам важно разобраться с тем, насколько мало отличаются друг от друга тенденции государственной олигархии (правительство, двор и т. д.) и олигархические тенденции пролетариата.

Примечательно, что руководство Социал-демократической партии Германии не боится признать существование олигархии в профсоюзном движении, а лидеры профсоюзов признают олигархию внутри социалистической партии [217]. Но абсолютно все утверждают, что обладают иммунитетом против олигархической инфекции.

Несмотря на это, лидеры политических партий и профсоюзов принимают совместные решения, которые, будь они приняты лишь одной стороной, незамедлительно были бы объявлены антидемократическими. Например, при решении серьезного вопроса о первомайской демонстрации (1908) руководство партии и генеральная профсоюзная комиссия выдвинули совместный лозунг, определивший действия отдельных политических и профсоюзных организаций. И те и другие не сочли необходимым «прислушаться к мнению региональных партийных властей относительно вопроса, который касался их напрямую» [218]. Такие случаи подтверждают справедливость критики каждого из ответвлений рабочего движения.

Здесь мы позволим себе небольшое отступление, посвященное третьей форме существования рабочего движения, а именно кооперативам. Кооперативы, особенно производственные, – та организационная форма, в которой лучше всего должны проявляться и сохраняться демократические принципы управления.

Потребительские кооперативы – не самое благодатное поле для осуществления принципов демократического управления массами, хотя бы потому, что (как уже заметил Каутский) сфера их деятельности ограничена торговлей и не затрагивает напрямую интересы большинства членов потребительских кооперативов. Поэтому решение трудовых вопросов члены кооператива делегируют профессиональным служащим или компетентным доверенным лицам. «Если мы не хотим рассматривать торговлю как совместный труд – в этом случае покупатели оказывались бы сотрудниками продавца, – то члены кооператива потребителей оказываются не у дел, им остается лишь роль вкладчиков акционерного общества, они выбирают доверенных лиц и пускают дело на самотек, чтобы по его завершении снова выразить доверие или недоверие своим представителям и получить причитающиеся им дивиденды» [219].

Производственный кооператив, в свою очередь, теоретически представляет наилучшие условия для совместной работы в условиях демократии. В него входят равноправные члены, которые относятся к одной категории рабочего класса, занимаются одной профессией и привыкли к одному и тому же образу жизни. Если они и нуждаются в лидерах, то все равно оставляют за собой значительную степень контроля, так как членство подразумевает профессиональную компетентность, то есть навык «советовать и участвовать». Не каждый член политической партии занимается высокой политикой. Отсюда, как мы уже видели,

возникает такая огромная дистанция между рядовыми и генералом. Однако в производственных кооперативах, например кооперативах сапожников, каждый из членов союза точно знает, как изготовить сапог, какие для этого необходимы инструменты и сорта кожи. В таком кооперативе не существует значительных различий в компетенциях.

Однако, несмотря на идеальные для возникновения демократии условия, производственные кооперативы все же нельзя рассматривать как образцовый пример демократического самоуправления. Родбертус однажды сказал, что, когда он пытается применить принципы производственных ассоциаций к индустрии, торговле или сельскому хозяйству и представляет любое современное предприятие в виде торгового кооператива, в котором каждый имеет право голоса, он не может поверить, что народная экономика не загнулась бы под тяжестью этих механизмов[220]. На деле же в истории развития производственных кооперативов мы видим следующую дилемму: либо они стремительно рушатся, не сумев справиться с множеством противоречивых мнений, либо начинают подчиняться единоличной воле одного или нескольких представителей власти [221] и параллельно утрачивают свой статус настоящего кооператива. В любом случае своим возникновением они обязаны личной инициативе одного или нескольких членов. Иногда они превращаются в уменьшенные копии монархий, которые подчиняются диктатуре правителя, представляющего их интересы во внутренних и внешних вопросах, воле которого они безоговорочно следуют. С его смертью или отказом от должности всему кооперативу грозит уничтожение [222]. Эта тенденция развивается в производственных кооперативах благодаря тому, что их составляет совокупность людей, чьи личные достоинства оказываются тем менее значимы, чем шире становится круг членов кооператива. В такой совокупности производственные ассоциации обречены идти по тому же пути, что проделали до них ремесленные цеха. С непрерывным ростом они становятся все более закрытыми, так как стремятся монополизировать свои случайные преимущества. Иногда они косвенным образом и вовсе смыкают свои ряды, резко повышая вступительные взносы. Во многих случаях они совсем прекращают принимать новых членов или устанавливают максимально допустимое количество членов кооператива. Возможную потребность в новой рабочей силе удовлетворяют служащие, получающие зарплату, за счет этого рабочий производственный кооператив превращается в акционерное общество.

Иногда кооператив переходит в частное владение к директору и становится частным предприятием. В обоих случаях Каутский совершенно прав, когда говорит, что социальная роль рабочих кооперативов исчерпывается тем, что они выполняют функцию социального лифта для отдельно взятых пролетариев[223]. Родбертус назвал рабочие ассоциации школами для рабочего класса, в которых пролетарий может научиться организации, ведению переговоров и управлению в небольших масштабах[224]. Учитывая приведенные рассуждения, очевидно, насколько подобное убеждение далеко от истины.

В условиях демократии нельзя недооценивать и влияние личного фактора. В небольших ассоциациях он по большому счету преобладает над деловым[225]. В более крупных ассоциациях серьезные вопросы быстро теряют свой первоначально частный характер. Однако те, кто занимается их решением, не теряют своего влияния и значимости. В Англии четыре человека – МакДональд, Кейр Харди, Хендерсон и Клайне – располагают неограниченным доверием масс, и, по замечанию одного проницательного наблюдателя,

невозможно повлиять на массы, не сумев повлиять на эту четверку[226]. Власть, которой в Германии обладал и обладает Бебель, имеет множество симптомов[227], начиная с восторженных приемов по всей стране и заканчивая стараниями товарищей по партии самых разных направлений переманить его на свою сторону накануне каждого партийного съезда. Раскол внутри партии, даже в том случае, если он вызван объективной необходимостью, всегда дело рук ее лидеров. Массы никогда не могут встать на пути у лидеров, решившихся на перемирие, в том числе из-за того, что границы, разделяющие руководителей, как правило, находятся за пределами их собственной области интересов и за пределами их понимания[228].

Партийные лидеры, как правило, не испытывают к массам глубокого уважения. Даже в том случае, если среди них есть восторженные приверженцы толпы или те, кто хочет отплатить массам за их преданность ростовщическими процентами. Впрочем, эта любовь зачастую не взаимна, так как руководители в течение срока своего правления получают возможность ближе узнать обо всех проблемах масс. Фурнье пишет, что даже руководители социал-демократической партии воспринимают массы как безвольный инструмент, пустое место, необходимое лишь для того, чтобы визуальнo увеличить численность левых. «Если его власти подчиняется только один – его считают за десятерых, если шесть – их считают за миллион»[229].

Фактическая разница в образовании и профессионализме членов партии проявляется и в разделении обязанностей. Лидеры настаивают на несамостоятельности масс, чтобы держать их подальше от ведения дел. Они приходят к убеждению, что не в интересах партии допустить превосходство большинства, не имеющего однозначного мнения по тем или иным вопросам, над меньшинством, заинтересованным в решении партийных дел. Поэтому руководство партии отказывается от проведения референдумов и не применяет их для решения вопросов партии. «Чтобы выбрать подходящий момент для действия, необходимо мнение, которое будут разделять лишь немногие члены партии, большинство же подвержено влиянию сиюминутных впечатлений и эмоций. Справедливое решение в форме консилиума может принять ограниченное количество членов партии и доверенных лиц, участвующих в закрытых совещаниях, свободных от украшательств прессы, в ходе которых каждый имеет право высказаться, не опасаясь при этом передачи своих слов в лагерь противника»[230]. Помимо политических причин важную роль в процессе замещения прямых партийных выборов непрямыми играет и сложное устройство партийной системы. При сложном государственном устройстве прямое гражданское управление осуществляется через право выдвижения кандидатов, которое становится основным пунктом партийной программы[231]. Антиномия, которая лежит в основе этих по-разному изложенных, но по сути одинаковых тезисов государственной и партийной политики, пронизывает всю партийную деятельность.

Фактическое превосходство руководителей рабочих партий над партийными массами, а также твердое намерение не позволить массам действовать самостоятельно, но, наоборот, превратить их в подчиненных, признается партийным руководством с честностью, которая граничит с цинизмом. Один из показательных примеров – позиция Филиппо Турати, одного из талантливейших и образованнейших людей, самого влиятельного лидера итальянской социал-демократии, депутата Пятого миланского конгресса, по поводу отношения

социалистов-парламентеров к социалистическим массам. На римском съезде 1908 года он говорил, что представители социалистов в парламенте состоят на службе у пролетариата, но только при условии, что массы не требуют от руководства совершать глупости, в этом случае партийные лидеры отказываются быть представителями масс и выступают против них. Депутаты сами определяют, что считается «глупостью», оставляя за собой непреложное право принятия решения [232].

Сосредоточение абсолютной власти в руках небольшого числа руководящих лиц, как это происходит в рабочем движении (см. ч. I, Б, гл. 3), естественным образом приводит к злоупотреблению властью. Представитель осознает свою незаменимость и превращается из слуги народа в его господина [233]. Лидеры, изначально созданные своими подчиненными, превращаются в повелителей; развитие событий описано еще Гёте, который устами Фауста говорил: человеком всегда повелевает его же собственное творение. Превышение полномочий партийной власти, против которого активно выступает партийное законодательство, принимается как должное. Массы подчиняются своим лидерам куда охотнее, чем правительству. Они терпеливо сносят издевательства одних, хотя не допустили бы подобного со стороны других [234]. На давление сверху низшие социальные слои отвечают кровавой и яростной борьбой, примером этому служат Жакерия и немецкие крестьянские восстания, а также сицилийские восстания фаши 1893 года. Давления со стороны ими же избранных руководителей они вовсе не замечают. Если открыть народу глаза на насилие над идеалами демократии со стороны руководящих членов партии, его удивление будет безграничным. Если же случится так, что массы решатся на восстание против партийной власти, то способы борьбы, которые они выберут, очевидным образом продемонстрируют их полное непонимание сути конфликта. Вместо того чтобы видеть источник ошибок олигархии в попытке централизовать власть внутри партии, они считают, что для победы над олигархией необходимо усиление централизации [235].

Те, кто выступает на стороне произвола демократии, обращаются к оружию, которым располагают массы в борьбе против нарушения их прав: право на контроль и отстранение от руководства. Эта оговорка имеет неоспоримое теоретическое значение. В парламентаристском государстве, устроенном в соответствии с принципами демократии, для смещения ненавистного министра, по крайней мере в теории, достаточно того, что он надоел народу. Точно так же достаточно недовольства избирательного комитета или окружного совета, чтобы сместить неугодного депутата. Кроме того, большинство генеральной профсоюзной комиссии может принять решение об отставке регионального председателя. Однако на практике на пути у теоретического права встает целый ряд консервативных тенденций, которые превращают превосходство автономных и независимых масс в иллюзию. Страшный сон Ницше о том, как отдельно взятый человек может стать функционером на службе масс, рассеивается, так как каждый имеет право стать функционером, фактическая же способность к лидерству доступна лишь немногим.

Как только институт лидерства начинает формироваться, он сразу превращается в закрытую касту благодаря продолжительности срока полномочий.

В тех странах, где на пути руководства не встают ярко выраженный индивидуализм и фанатичный догматизм, прежние руководители противопоставлены массе лишь как

незначительная группа, по крайней мере если массы поднимают шум и угрожают стабильности власти. Делегированность регулируется руководством через принятие особых конвенций, которые *de facto* лишают массы возможности влиять на ход дела. Зачастую подобные конвенции граничат с положениями о взаимном страховании. В некоторых регионах немецкой социал-демократии сформировался следующий порядок: руководство приходит к соглашению по очереди отправлять своих представителей на региональные партийные заседания. В ходе обязательных собраний, в которых принимают участие делегированные руководители, каждый из депутатов поочередно выдвигает кандидатуру своего партийного товарища, именно того, кто оказывается следующим «в очереди». А выдвигает кандидатуру Б, Б, в свою очередь, выдвигает кандидатуру А. Члены партии очень редко высказываются против таких ухищрений. Зачастую они их даже не замечают. Таким образом, руководству партии удается устранить внутреннюю конкуренцию, но, с другой стороны, подобный механизм исключает возможность масс участвовать в работе и влиять на работу и жизнь партии, жизнь, которую они поддерживают за счет собственных средств. Наперекор напряжению внутренней борьбы, *esprit de corps* назначенного партийного руководства, по крайней мере в Германии, где шире всего распространились консервативные тенденции, утверждает свою непоколебимость.

Поэтому в случае борьбы между руководителями партии и партийными массами победа всегда останется за первыми, до тех пор пока в их рядах сохраняется единство идей и убеждений[236]. В серьезных политических спорах, касающихся, например, экономики, за которые массы взялись вопреки воле руководства, партийные лидеры очень быстро снова одерживают победу. В случае необходимости они выносят постановления о договоренностях с противником и возобновлении сотрудничества, переступив через ясно выраженную волю масс и наплевав на все основополагающие принципы демократки, не обращая внимания на правовые, логические, экономические обязательства, возложенные на них массами, оплачивающими их труд. Так было во время последней всеобщей забастовки в Италии, равно как и во время забастовок в Криммичау, Штеттине или Манхайме. Массы часто возмущаются, но никогда не решаются на восстание. Им недостает сил, чтобы отомстить за попрание своих прав. После того как они выпустят пар праведного гнева на нескольких возбужденных собраниях, они приклеят фиговый листок демократии к олигархии своих партийных лидеров. В Рурском угольном бассейне (1905) горняки решились на восстание, когда вопреки их воле партийное руководство объявило о завершении шахтерской забастовки. Казалось, что пришло время расправы масс над олигархией [237]. Несколько недель спустя все вернулось в старое русло. Руководство пренебрегло интересами масс и, несмотря на это, сохранило свое лицо и представительство. В Турине (октябрь 1907) на третий день всеобщей забастовки бастующие большинством голосов постановили продолжать стачку, однако региональное партийное и профсоюзное руководство перечеркнуло это решение, начав распространять манифест с призывом вернуться к работе[238]. На последующих партийных и профсоюзных собраниях грубое нарушение дисциплины со стороны руководства было полностью оправдано подчиненными, которые слишком боялись отставки своего лидера.

Власть в демократических и революционно-социалистических партиях в случае необходимости может единолично принимать политические решения вне зависимости от мнения большинства[239]. Такое положение дел по сути является олигархией, и его

последствия для движений, учрежденных под знаменами демократии, весьма разнообразны. Одно из главных последствий заключается в ежедневном нарушении исполнительной властью тактических соглашений[240], соблюдение которых возложено на нее партийным большинством. Среди партийного руководства появляется практика обсуждения наиболее важных партийных вопросов en petit comite, принятые постановления предоставляются партийным массам уже постфактум (например, на собраниях, проводимых после выборов, когда партийное руководство уже приняло окончательное решение о предвыборных лозунгах). Группы руководителей ведут тайные переговоры (как это было в Германии во время обсуждения первомайской демонстрации и объявления всеобщей забастовки), а также вступают в тайные сговоры с правительством. Члены парламентской фракции часто хранят молчание о тех вопросах, которые обсуждаются за закрытыми дверями, и не распространяются о принятых решениях. Исполнительная власть осуждает подобное положение дел, только когда сама оказывается в неведении, но полностью оправдывает его направленность против масс.

Нет никаких признаков, что в скором времени с этой явственной властью олигархии внутри партии что-то случится. Независимость руководства растет пропорционально тому, как растет его незаменимость. Его влияние и экономическая стабильность его положения завораживают массы все сильнее и все сильнее привлекают самых одаренных присоединиться к бюрократии рабочего движения. Таким образом, массы теряют возможность привлечь свежие силы для формирования оппозиции старому руководству[241].

Массы уже сейчас действуют только по приказу руководства. Даже если они и вступают с властью в противоречие, то лишь потому, что недостаточно точно поняли ее приказ. Забастовка горняков Рурского бассейна в 1905 году была объявлена вопреки воле руководителя союза и была воспринята как спонтанное проявление воли масс. Однако позже были приведены (Хенишем) неоспоримые доказательства того, как партийные лидеры на протяжении нескольких месяцев подогревали раздражение рабочих и непрерывно говорили о забастовке против угольных магнатов, пытаясь их мобилизовать; в итоге массы, уже ввязавшись в борьбу, все еще не имели представления, учитывая положение дел, и не могли иметь - о том, что их руководство не поддерживает начало забастовки (см. ч. II, гл. 5).

Массы то и дело решаются на сознательный протест, но руководство всегда держит их в узде. Лишь правящие классы, вдруг поддавшись внезапному порыву, готовы вывести партийные массы на арену истории и ликвидировать олигархическую власть, ведь прямое вмешательство масс всегда противоречит воле руководства. Однако, за исключением подобных недолговечных сбоев, естественное развитие даже самой радикальной социал-демократической системы продолжается по инерции.

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:48:08

Зверобой обновил 19 января 2026 23:48:19